

Н. И. Журавлева
С. В. Мельникова
О. С. Поршнева
г. Екатеринбург, Россия

**ТРАНСФОРМАЦИЯ СТАТУСА И ИМИДЖА
ЕКАТЕРИНБУРГА-СВЕРДЛОВСКА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ ДИНАМИКЕ (XVIII–XXI вв.)**

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: город, Екатеринбург, город-завод, соцгород, торговый город
АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается изменение облика Екатеринбурга в историко-культурном контексте. Авторы останавливаются на основных этапах его статусной трансформации от «города-завода» и индустриального «соцгорода» к современному «торговому городу».

N. I. Zhuravleva
S. V. Melnikova
O. S. Porshneva
Yekaterinburg, Russia

**THE TRANSFORMATION OF THE STATUS AND IMAGE
OF YEKATERINBURG–SVERDLOVSK IN HISTORICAL
MOVEMENT (XVIII–XX)**

KEYWORDS: pedagogical technology, visual thinking strategy, humanities, art education, innovation

ABSTRACT: The article is devoted to pedagogical technology "Image and idea", based on the development of visual thinking. Experience of implementing technology in the teaching of Humanities in the school of allows you to solve a number of problems, raised by the Federal educational standard: to ensure the development of personal and communicative skills of students. The article presents the elements of technology that contribute to solving the topical pedagogical problems. The conclusion about the prospects of using this technology on the lessons of Humanities and arts and aesthetics.

Актуальность проведения междисциплинарных исследований города как исторического и социокультурного феномена подтверждается состоянием традиционной исторической урбанистики, из которой, по оценке С. Биттнера, странным образом выпадают сами города, в то время как они являются темами, заслуживающими специального анализа [4. С. 27, 37–38]. Новейшая городская история исследует город не только как порождение общества, объект системно-ориентированного социального анализа, но и как активный субъект, актор исторического процесса [15, с. 194] со своей уникальной судьбой, биографией

и мифологией. Реализация междисциплинарного подхода предполагает привлечение исторического материала, позволяющего осмыслить факторы становления и особенности конфигурации социокультурного пространства и ментального «ландшафта» города, характер и направленность их эволюции.

Одной из перспективных теорий в изучении проблемы являются идеи экономиста Р. Флориды об «открытом городе», в соответствии с которыми «место имеет значение» для концентрации инноваций, а значит, судеб и путей развития современных городов [18]. На основе данной кон-

цепции возможно исследование города как пространства коммуникаций в местах концентрации образовательных, экономических, социокультурных, административных и иных предпосылок, способствующих инновационному развитию.

Екатеринбург из всех уральских городов с момента своего возникновения в наибольшей степени демонстрировал динамику в сторону открытости. Предпосылками становления «открытости» были: роль центра горнозаводской промышленности, имевшей в то время инновационный характер; активное усвоение передового европейского опыта; подвижническая деятельность основателей города – В. Н. Татищева и В. де Генина; поликультурный состав жителей города. Екатеринбург уже в XVIII в. стал передовой площадкой модернизационных процессов, административным центром горно-металлургического производства, руководившим им на территории от Поволжья до Сибири. В этих условиях интенсивно происходили не только процессы территориальной специализации города в условиях интеграции прилегающего к нему и контролируемого им пространства, но и культурно-символического осмысления его жителями отличительных черт своего места обитания. Последние закреплялись в системе вербальных и визуальных образов формирующейся культурной традиции. Образ города, созданный в документально-публицистических и художественных текстах XVIII–XIX вв., включал такие ключевые символы как завод, камень и золото, представляющие основные виды городских производств [9. С. 9].

Во второй пол. XIX–нач. XX вв. происходила интенсивная модернизация социально-экономической, общественно-политической жизни, трансформация социокультурных характеристик Екатеринбурга. Именно в этот период в общественном сознании екатеринбуржцев и гостей города стали распространяться представления о его «столичности», о чем свидетельствовали многие современники [8, с. 231, 513, 499]. Важнейшую роль в этом сыграло превращение Екатеринбурга, цен-

тра горнозаводского производства, признанной «горнозаводской столицы», в город индустриальной эпохи, с активно функционирующими общественными структурами, развивающимися сферами гражданской деятельности, науки, культуры, образования, что воплощалось и в росте регионального самосознания.

Актуализация концепта о Екатеринбурге как столице Урала произошла после Революции 1917 г. в условиях кризиса национальной идентичности и, как следствие, усиления региональной идентичности и формирования уральского областничества.

В советский период переименованный в Свердловск город приобретает статус регионального центра – столицы Екатеринбургской губернии, затем в 1923 г. большой Уральской области и с 1934 опять Свердловской. В 1930-е годы он становится площадкой для внедрения новых градостроительных решений и образцов жизни. Разрабатываемая концепция «Большого Свердловска» [5] увязывала воедино важные модернизационные задачи – создание новых индустриальных объектов и инфраструктуры, расселение рабочих и превращение уездного города в культурный центр с широкими улицами, скверами и парками, каскадом площадей и современной архитектурой, демонстрирующих силу и величие советского государства.

Неосуществленный в полной мере проект, тем не менее, отражал и задавал основные векторы развития города. Резко увеличившиеся объемы индустриального и гражданского строительства потребовали привлечения все новых и новых трудовых ресурсов – строителей и будущих рабочих. Население быстро прирастало за счет многочисленных добровольных и насильственных переселенцев. В 1933 г. заработал Уральский завод тяжелого машиностроения (УЗТМ), индустриальный гигант, ставший символом индустриальной мощи страны и визитной карточкой города. Появление новых заводов и прилегающих к ним жилых районов расширило площадь города и сделало важной про-

блему инфраструктурной связи почти автономных его частей. Так возникал Свердловск, который никогда не был Екатеринбургом.

Проектные решения и создаваемый «с нуля» архитектурный облик свердловских соцгородов стали ярким репрезентантами советской градостроительной практики. Анализируя ее, М. Г. Меерович делает вывод, что главной урбанистической моделью страны являлся заводской поселок, «поселок-сад». Его отличительная черта заключается в том, что «соцпоселок возводится, исключительно, для обслуживания производства, которое, собственно, и диктует требования к формированию определенных условий жизни». [12] Однако для индустриальных городов Урала такая организация промышленно-селитебного пространства исторически органична, она сложилась задолго до социалистической модернизации. Новизна советской модели заключалась, прежде всего, в комплексном подходе к решению функциональных задач, служащих обустройству «социалистического быта». В этом отношении показательно планировочное решение соцгорода Уралмаш, предложенное архитектором П. В. Оранским, с характерной тщательной разработкой внутриквартального пространства и функционала общественных мест, призванных заменить недостаточность приватной зоны.

Менялся и исторический центр города. Он буквально «перекраивался», старые площади застраивались или превращались в парки, новые разбивались на месте исчезнувших культовых сооружений, улицы спрямлялись и расширялись, «расчерчивались» трамвайными линиями. Актуальный архитектурный облик получали новые кварталы. За время недолгого увлечения конструктивизмом в Свердловске успели появиться не только отдельные здания, но и целые жилые комплексы, воплощающие главную цель конструктивизма – создание принципиально новой, функциональной городской среды. Уступив место так называемому «сталинскому ампиру», конструктивизм стал одной из составляющих визу-

ального образа города, пополнив его репрезентативными объектами. [17].

1930-е годы – период бурного индустриального «переобустройства» Свердловска, оказались важными и для его культурного и научного потенциала. В это время в городе открываются театры: драматический, кукольный, юного зрителя и музыкальной комедии появляется филармония, картинная галерея и Уральский геологический музей. В 1920 г. на базе горного института был основан Уральский университет – первый в городе и первый в послереволюционной истории страны. Позднее входящие в него институты обрели самостоятельность, сделав город студенческой столицей региона. [16].

Великая отечественная война стала еще одним важным этапом в биографии города. Здесь развернулось военное производство. Цеха УЗТМ были реконструированы для выпуска продукции военного назначения. Тыловой Свердловск принял эвакуированные заводы, усилившие его индустриальную мощь.

В 1967 г. население Свердловска достигло миллионной отметки. Ускоренная модернизация, предпринятая в советское время, превратила город в индустриальный, культурный и студенческий центр и усилила его претензии на роль регионального лидера.

Современный город меняет свой традиционный образ, образ «опорного края державы», строившийся вокруг его промышленной мощи. Этот образ создавался с момента строительства города в XVIII в. и оставался актуальным на всем протяжении его жизни. И сегодня, в XXI в., опора страны на Екатеринбург как на «толчковую ногу» остается очевидной. В Екатеринбурге расположены предприятия практически всех отраслей промышленности, по данным информационного портала «Деловой квартал» в городе сегодня действует 220 средних и крупных промышленных предприятий [7]. Казалось бы, город имеет достаточные основания для сохранения очевидно индустриального имиджа.

Однако образ сурового делового

индустриального города сегодня явно размыт. Город насыщен атрибутами индустрии развлечений, разнообразными досуг и облегчающими общение. И это обусловлено не только современным «открытым» статусом Екатеринбурга и большим количеством приезжих, но и объективными экономическими процессами.

Спад ставки на индустриальность прослеживается с начала 2000 г. Если по переписи 1979 г. в промышленности Свердловска было занято 46,8% трудоспособного городского населения [1], то в 2010 г. этот показатель равен 19,8% работающих горожан, зато в торговле занято 23,6% против 7% в 1979г. [1]. В соответствии с отчетом департамента экономики «Итоги социально-экономического развития муниципального образования «Город Екатеринбург» в 2014 г.» тенденция оттока работников из промышленности сохраняется [14].

Сегодня Екатеринбург скорее торговый, чем промышленный центр. На настоящий момент (2015) Екатеринбург занимает первое место в России по количеству торговых площадей на душу населения, год от года увеличивая темпы их прироста (1322 кв. метра в 2014 г. против 600 кв.м в 2013 г.). Наличие такого количества торговых площадей («город – рынок») говорит о складывающейся потребительской культуре, о смещении значимой стороны жизни города с производства на потребление.

Но не только торговые приоритеты отличают нынешний город, динамика развития мест для встреч и отдыха позволяет судить о рекреационной направленности городских заведений. Город сегодня лидирует среди других городов-миллионников по количеству кофеен [3]. Небольшие советские Дворцы культуры собирают на отдых горожан, а камерные «третьи места», рассчитанные на общение небольших групп.

Еще один показатель специфической рекреационной активности екатеринбуржцев – соотношение баров и фитнес-центров. Так, на конец 2014 года по абсолютным показателям соотношение такое:

196 баров и 211 фитнес-центров [6]. В этой связи порадовался бы один из основателей города – генерал В. де Генин, который вводил специальные жесткие законы, чтобы работу, а не выпивку, сделать приоритетом первых работников завода-крепости [10].

Развитие публичных мест, мест для общения в нерегламентированной среде, является важным показателем увеличения интеллектуальной элиты [11, 13, 18]. Интеллектуальная элита – как раз та часть населения, которая участвует в создании современного наукоемкого продукта, которая придает городу вектор развития.

Европейский и американский опыт показывает, что постиндустриальное развитие начинается в крупном городе с момента вытеснения промышленных предприятий из центра, часто из этого города вообще в региональные и локальные города. В центре остается сфера финансового управления индустрией, научная и инновационная поддержка промышленности.

Образ современного Екатеринбурга не связан с индустриальным пейзажем (завод), конструктивистскими постройками (правильный образ быта в серьезном трудовом городе). Эти смысловые и материальные точки опоры карты города остались в прошлом. «Пространственная структура городов стремится «вырваться» из жесткой структуры монофункциональных зон, в городах образуются новые «центры», вносятся изменения в существующую застройку, проходит редевелопмент крупных территорий», так оценивают развитие современных крупных российских городов архитекторы [2, с. 8].

Монофункциональные зоны – это, прежде всего, территории крупных заводов и массовой жилой застройки. Они привлекают внимание как объекты исторического наследия, однако не являются центрами активности горожан. Так, без жильцов осталась знаменитая прежде башня – гостиница «Исеть», утратил былые элитарные коннотации, а с ними и привлекательность для жизни Городок чекистов. Соцгород Уралмаш является просто удаленным от центра районом с низкой стоимостью жи-

ля. Формируются новые общественные пространства, которые обеспечили бы высокую плотность коммуникаций и социальных связей. Эти пространства тяготеют к центру, и именно по той причине, что центр города никогда не был и не мог быть монофункциональной зоной, он является пересечением властных, финансовых, интеллектуальных, культурных ресурсов.

Если для индустриального города производство всегда было приоритетом, то для постиндустриального приоритетом становятся именно коммуникации, деловые центры. Сегодня в Екатеринбурге действует 69 деловых центров общей площадью 791 тысяча квадратных метров, по планам к 2020 г. их число увеличится до 91. Современный Екатеринбург формируется вокруг новых высоток («Высоцкий», «Исеть», «Сити»), торговых центров и мест отдыха в компании друзей (кофейни). Современные постройки не добавляют ему уникальности, но сильно молодят город, делая его похожим на высотные стекляно-бетонные мировые города. «Похожесть» является одним из архитектурно-пространственных признаков постиндустриального города. Динамично развивающийся город притягивает образованную молодежь. Как считает Р.Флорида, побе-

дят те места, которые привлекают людей чуть старше двадцати лет. «Эти места приобретают долгосрочное преимущество, а те, что проигрывают, обнаруживают, что наверстать упущенное уже невозможно» [18].

Таким образом, Екатеринбург претерпел на протяжении своей истории существенную эволюцию не только базовых характеристик: экономических, политических, социальных, социокультурных, но и своей «мифологии», образа, идентичности. Он прошел длинный исторический путь, превратившись из завода-крепости в современный мегаполис, по мнению многих – «евразийскую столицу», «третью столицу» России.

Екатеринбург называют «третьей столицей» не случайно. Это указание на третье по значению место (после первых двух столиц) и на возможность быть столицей города в случае переноса действующей столицы. Промышленная мощь давала городу приоритетную позицию «опорного края державы» в индустриальной экономике, сегодня город разворачивается, может быть не быстро, к постиндустриальному сценарию.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анимациа Е.Г., Власова Н.Ю. Уральская городская культурная матрица: тенденции становления, основные опасности и угрозы. Развитие городов в условиях глобализации: сб. научн. тр./ Урал. гос. экон. ун-т. – Екатеринбург, 2012. С.136-142.
2. Ахмедова Е.А. Особенности градостроительных трансформаций в Самаро-Тольяттинской агломерации с учетом ее приграничного положения// Вестник СГАСУ. Градостроительство и архитектура. 2011. №2. С.5-9.
3. АЦ Эксперт: Екатеринбург — лидер по количеству кофеен среди миллионников// Эксперт Урал. URL: <http://www.acexpert.ru/news/ekaterinburg--lider-po-kolichestvu-kofeen-credi-mi.html> (дата обращения 20.11.2015).
4. Биттнер С. Куда идет историческая урбанистика? // Антропологический форум. 2010. № 12. С. 26-39.
5. Большой Свердловск. 1930 URL: <http://www.1723.ru/read/books/sverdlovsk-1930.htm> (дата обращения 25.02.2016).
6. Ведомости Урал: Информационный социально-правовой сайт. [Электронный ресурс] Режим доступа: http://vedomosti-ural.ru/news/48447/?ya_rss=1 (Дата обращения 14.11.2015).
7. Заводы Екатеринбурга. Екатеринбург. Деловой квартал. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://ekb.dk.ru/wiki/zavod> (дата обращения 01.02.2016).
8. Злоказов Л. Д., Семенов В. Б. Старый Екатеринбург. Город глазами очевидцев. Екатеринбург: ИГЕММО «Lithica»; музей истории Екатеринбурга, 2000. 605 с.

9. Клочкова Ю. В. Образ Екатеринбурга / Свердловска в русской литературе (XVIII – середина XX в.). Автореф. дис. канд. филол. наук. Екатеринбург, 2006. - 22 с.
10. Корепанов Н.С. Первый век Екатеринбурга. Екатеринбург: Банк культурной информации. 2005. – 274 с.
11. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Издательский дом «Классика XXI». 2011 – 399с.
12. Меерович М. Г. Рождение и смерть советского города-сада // Вестник Евразии. 2007 URL: <http://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569462&fl=5&sl=1> (дата обращения 20.02.2016).
13. Ольденбург Р. Третье место: кафе, кофейни, книжные магазины, бары, салоны красоты и другие места «тусовок» как фундамент сообщества / пер. с англ. А.Широкановой. – М.: НЛЮ, 2014. 456 с.
14. Отчет Департамента экономики «Итоги социально-экономического развития муниципального образования «Город Екатеринбург» в 2014 г.». С. 75-80. URL: <http://www.ekburg.ru/getFile.php?id=46328> (дата обращения 10.09.2015).
15. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. Социальные теории и историографическая практика. М: Круг, 2011.- 560 с.
16. Свердловск: Справочник- путеводитель – Свердловск: Средне-Уральское книжное издательство, 1983. 24 с.
17. Смирнов Л.Н. Конструктивизм в памятниках архитектуры Свердловской области. Екатеринбург: НИИМК, 2008. 160 с
18. Флорида Р. Кто твой город? Креативная экономика и выбор места жительства/ Пер. с англ. – М.: Strelka Press, 2014. 368 с.